

заслуживает глава «Имя и идеология», весьма актуальная с политической точки зрения, ибо и при наименовании вступают в силу социально обусловленные прогрессивные и реакционные моменты.

Во II части книги «Задачи и цели исследования имен» (стр. 38—70) дается краткое описание истории ономастики. Затем следует глава «Современная ономастика как общественная наука», в которой делается удачная попытка показать теоретические основы этой дисциплины с точки зрения диалектического и исторического материализма. В этой связи особое значение имеют такие новые направления исследования, как прагматическая ономастика, социономастика и социопсихологическая ономастика.

В следующей главе исследуются отношения ономастики к смежным наукам, особенно к археологии, истории поселений, культурной истории, географии и этнографии. Составители далее выясняют значение ономастики для народного образования и место этой дисциплины в школьном обучении. Рассматривается также роль ономастики при подготовке учителей, а также ее значение для воссоздания научного представления об историческом процессе.

В начале III части «Методы и результаты ономастики» (стр. 71—106) выясняются общие источники этой дисциплины. В главе «Значение имен» обсуждаются проблемы семантики имени, его возникновения, функционирования и языковой «прозрачности». Составители не ограничиваются только соотношением имен со словами определенного языка и выведением той или иной их этимологии, но прежде всего интересуются проблемами истории имен и их соотношением с определенной социально обусловленной системой общественной коммуникации. Довольно подробно в этой связи рассматриваются принципы анализа славянских имен.

К главе об исторической стратификации имен, в частности, топонимов различного типа, примыкает раздел «Описание имен», в котором немецкие личные имена, а также названия поселков, водных резервуаров и полей рассматриваются с точки зрения словообразования, значения и употребления. При анализе фамилий было бы желательно более внимательно учитывать славянские элементы, которые, например, в области между средней Эльбой и Нижней Лукицей в XVI и XVII вв. составляли до 25% всех имен. И в наши дни количество славянских антропонимов намного больше, чем обычно постулируется, не говоря уже о многих чешских и польских фамилиях, которые появились на немецкой почве в последние десятилетия.

В IV части книги (стр. 107—116) описываются учреждения, занимающиеся изучением ономастики в ГДР, их деятельность до сего времени и будущие задачи. Кроме Берлина и Лейпцига, ономастические исследования проводятся в Педагогическом институте Цвикау и в Йенском университете (тюрингский ономастический архив). Две карты дают хорошее представление о том, какие районы ГДР исследованы с точки зрения ономастики.

V часть рецензируемой работы (стр. 117—122) содержит избранную библиографию вышедших в ГДР ономастических книг, а также опубликованные и неопубликованные местные работы (всего 68 названий). К книге приложен предметный указатель.

Рецензируемая работа, содержащая удачное описание теоретических основ ономастики, ее научного и практического значения, заслуживает пристального внимания широкого круга читателей.

В. Венцель

Перевел с немецкого М. М. Маковский

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

С давних пор слависты высоко ценили материал чакавских говоров и неизменно обращались к нему. Пристальное внимание к чакавскому наречию было свойственно и многим лучшим представителям русской лингвистической мысли (А. А. Шахматову, И. А. Бодуэну де Куртене, Л. П. Якубинскому и др.). Будь то вопрос исторической фонетики, или акцентологии, или морфологии и синтаксиса — чакавские свидетельства всегда драгоценны для специалиста по сравнительной грамматике славянских

языков, для исследователя праславянского языка. Архаика чакавского наречия, многочисленные соответствия с русским языком, связь со словенским, с одной стороны, и отчасти с болгарским, с другой, довольно четко выявляющаяся в чакавской лексике, ставят чакавские данные в центр внимания исследователя при установлении праславянского словарного состава и его диалектной дифференциации, при определении лингвистическим путем направлений и характера миграции славянского этноса на Бал-

каны. Достаточно вспомнить такие примеры, как чакав. пресск. *lānita* «щека», макед. неврокопск. *lanīta* «то же», родоп. *lanīta* «то же», русск. церк.-слав. *ланиѣта* «то же», чакав. *zablī* «забыть», словен. *zabiti* «то же», русск. *забыть* (ср. об этом слове в этимологическом словаре М. Фасмера, т. II, М., 1967), чакав. *rijavica* «вихрь, смерч на море» и русск. церк.-слав. *пiавица* — «смерть», облакъ дъждеванъ, вже воду отъ морѣ възимаеъ, яко въ губу и паки проливаетъ на землѣ» (по Новгородскому словарю XV в.; известно также в азбучниках XVII в. и т. п.), чтобы оценить значение чакавской лексики для сравнительной славянской лексикологии. К сожалению, однако, до сих пор нет сводного чакавского областного словаря, нет атласа чакавского наречия, давно не выходили в свет подробные монографии по отдельным чакавским говорам (последней публикацией такого рода было описание говора острова Сусна, выполненное М. Храсте, Й. Хаммом и П. Губериной в 1956 г.). Поэтому появление специального журнала, посвященного чакавскому наречию и языку художественной литературы, пользующейся этим наречием и пользовавшейся им в прошлом, не может быть встречено в среде славянских филологов иначе как с радостью и искренним одобрением.

В конце прошлого 1971 г. в Сплите (Югославия) вышел первый номер журнала «Сакавска риѣч» («Чакавское слово»). Номер открывается некрологом акад. Мате Храсте, известного исследователя чакавских говоров и чакавской литературной традиции, затем следует ряд статей и исследований монографического характера. Среди них нужно отметить небольшое, но очень экономно и компактно написанное исследование Божидача Финки «Чакавское наречие», в котором дается на уровне современных лингвистических

представлений обобщающее описание основных черт и особенностей всех чакавских говоров в целом — островных, приморских и континентальных (фонетика, акцентная система, морфология, синтаксис, некоторые лексические особенности). Статья Петра Шимуновича «Хорватская географическая номенклатура в зоне далматинского карста до конца XIII в.» является удачным опытом первого исторического словаря славянских (в данном случае хорватско-сербских чакавских) географических апеллятивов. Любопытны такие термины, как *pasjeka*, *poga*, *badanj*, *mei*, и топонимы, образованные от географических терминов — *Badanj*, *Rudine* и др.

Несомненный интерес представляет и исследование Степана Бензона «Наблюдения над чакавиной Марка Уводича сплитянина». Марко Уводич (1877—1947) почти всю жизнь прожил в Сплите, любил свой город и был его бытописателем. Его новеллы и рассказы, проникнутые живым юмором и солнечным светом Адриатики, очень выигрывали от того, что были написаны на сплитской чакавинке — одной из разнообразных форм областного чакавского литературного языка. С. Бензон дает анализ фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей языка своего земляка Уводича. Первый номер журнала «Сакавска риѣч» оканчивается комментированной публикацией двух чакавских памятников XVII и XVIII вв. — «Два устава трогирских (т. е. из города Трогира. — Н. И.) братств на хорватском языке». Эти памятники дают ценный материал для изучения общественной и социальной лексики прошлого Далмации.

Периодичность журнала — два номера в год. Главный редактор — Радован Видович.

Н. И. Толстой